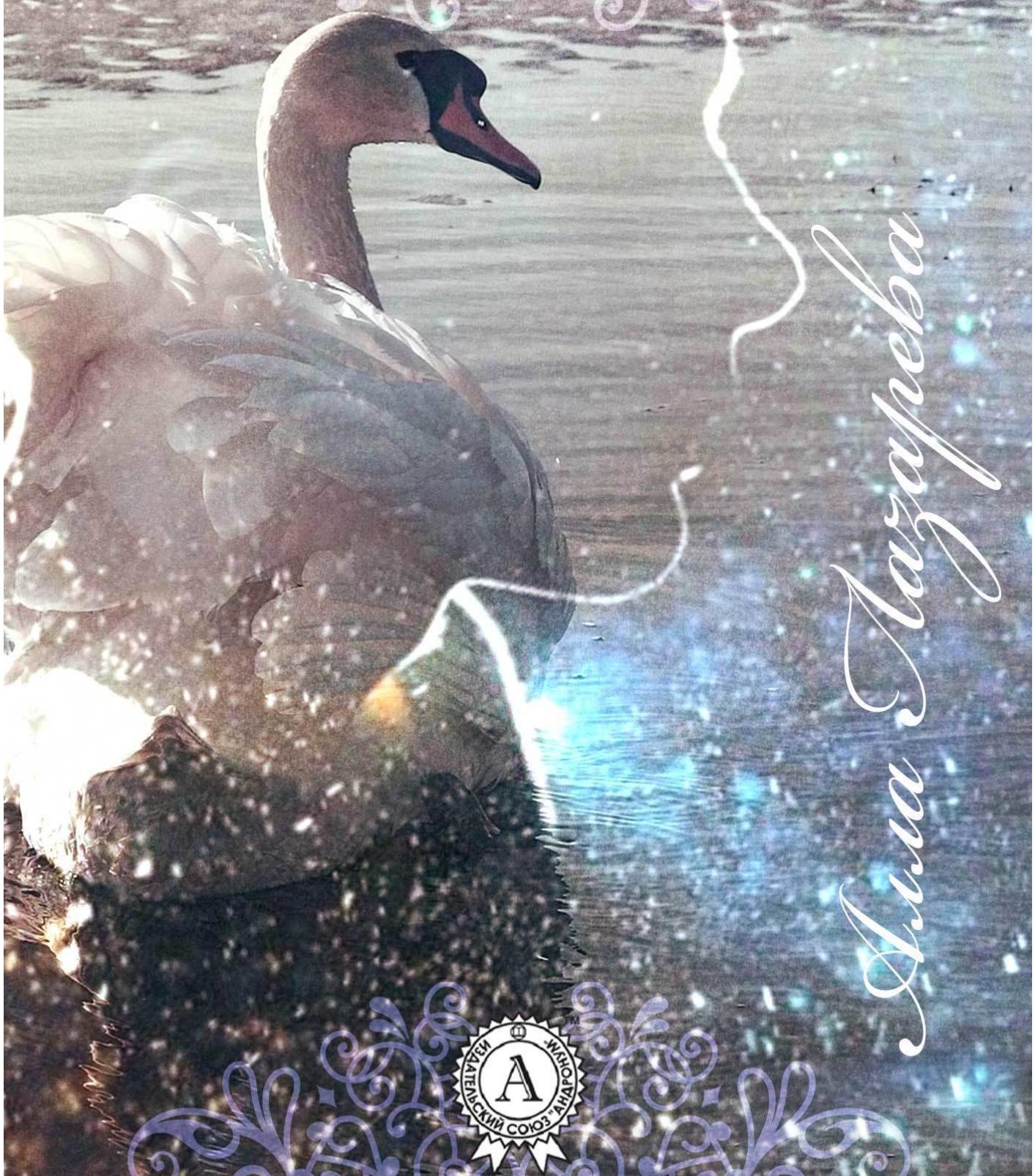

ТУОНЕЛЬСКИЙ ЛЕБЕДЬ

Мария Дагурова

Алла Лазарева

ТУОНЕЛЬСКИЙ ЛЕБЕДЬ

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лазарева А.

ТУОНЕЛЬСКИЙ ЛЕБЕДЬ / А. Лазарева — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Туонела – это царство мертвых у финского народа. Безмолвные воды омывают остров. По водной глади скользит поющий лебедь. Кто услышит его песню, того охватывает желание умереть... Идея книги в том, что мечту и реальность невозможно соединить в жизни. Иллюзия часто недостижима и оторвана от жизни. Кто слишком увлечен иллюзорным пленом желаний и погоней за мечтой, кто не видит красоты в повседневной жизни, тот обречен, потому что жизнь никогда не даст ему того, о чем он мечтает. Сама интонация романа напоминает плавное скольжение лебедя по воде, и автор призывает читателя видеть красоту в повседневной жизни, потому что только так мечта может стать явью, а реальность раствориться в мечте.

© Лазарева А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ВТОРАЯ ГЛАВА	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алла Лазарева ТУОНЕЛЬСКИЙ ЛЕБЕДЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Этим субботним днем абсолютно все приводило в раздражение Влада, несмотря на то, что он специально встал с кровати только к обеду, дабы не впасть в уныние еще сильнее. Но и дневной свет действовал на нервы не менее сильно, чем утренний, высвечивая несовершенство мира, выраженное в различных деталях. Владу не нравилось все, что его окружало: и эти стены, поклеенные зелеными обоями в цветочек, и этот старый паркетный скрипящий под его ногами пол, и этот стол, который он помнил еще со временем своего детства. Так же ему не нравилась кровать, окно и прохожие за окном, которые все время куда-то шли и шли. Недовольство Влада с течением дня только усиливалось, потому что с тех пор, как он стал работать в довольно известном глянцевом журнале (который он называл исключительно дурацким), у него не получалось выдавить из себя ни строчки для своей книги, которую он писал уже год. Он писал ее уже год, но все еще был на двадцатой странице. Книга не шла, в отличие от прохожих за окном, которое время куда-то шли.

Влад пытался ее продолжить, прилагал неимоверные усилия, писал страницу или две, а потом стирал или удалял файл. А потом он снова писал и снова избавлялся от написанного, морщась от пренебрежения и злости. Эта писанина никуда не годилась. В ней не было самого главного – жизни, а откуда же ей, этой жизни, было взяться, если с тех пор, как Влад переехал в Москву и устроился на работу в журнал, то жизни у него не осталось. Как будто за время, проведенное здесь, он разучился жить и думать о настоящем. Просто жить, когда можно дышать, думать, смотреть и испытывать настоящее неподдельные эмоции, а если повезет, то и глубокие чувства. Теперь все время нужно было куда-то бежать, спешить и это все ради того, чтобы добыть новую сплетню из жизни толстосумов и их молоденьких женщин. Или из жизни владычиц светской тусовки и принадлежащих им разудальных бойфрендов, а также их любовников и любовниц, пластических операций, раковых опухолей, новых трендов, сброшенных и набранных килограммов, рождения детей и покупок новых квартир, домов и яхт. Все эти новости ценились примерно одинаково, потому что смерть или болезнь на страницах этого издания ценилась не меньше, чем громкая измена, новая престижная сумочка или уколы ботокса, обездвижившие очередное лицо очередной красавицы. Все, все силы тех, кто работал в этом глянцевом журнале, были пущены для поиска и развития дешевых сенсаций, а также придания им лоска и шика, потому что новость нужно было «продать». Предпродажная подготовка новостей включала в себя тысячи ухищрений, при помощи которых даже банальное почти ничего не значащее событие могло стать лакомым куском для глаз и ушей благодарной публики, желающей получить свежую новость для удовлетворения своей потребности в зависимости или злорадстве.

Влад, отойдя от окна, с унылым лицом сел за стол и долго сидел, смотря на монитор компьютера. Книга опять не шла, мыслей не было. А потом он опустил голову и обнял ее руками, вспомнив, что сегодня вечером у него еще назначена встреча с главным редактором этого журнала, а также его владелицей – Анной Рубин, где ударение делалось на первый слог. Это был ее псевдоним, потому что Анна любила окружать себя драгоценными камнями, а ударение на первый слог, наверное, было сделано для того, чтобы никто об этом не догадался. От мысли, что ему придется встретиться с ней, Владу стало еще хуже, потому что в этот субботний день ему выходить никуда не хотелось. Хотелось только решительно порвать со всем, что его связывало с этой жизнью в Москве, продать эту бабушкину квартиру, которая досталась ему в

наследство, и переехать куда-нибудь в маленький городок. А еще лучше – в деревню, где есть воздух и тишина, и писать, писать, писать.

* * *

Встреча была назначена на полшестого. Анна жила за городом, потому что жить в Москве, тем более, летом, было уже не комильфо, и ехать до нее нужно было около часа на маршрутном такси. Влад поехал, у него не было выбора. Уже подъезжая к дому, где жила Анна, Влад посмотрел на часы и понял, что опаздывает. Но это его ничуть не смущило и, выйдя из такси, он не прибавил шагу. Подходя к дому неторопливой походкой, он случайно наступил на неизвестно откуда взявшийся целлофановый пакет и про себя подумал, что пакет такой же прозрачный невыносимо легкий и пустой, как вся его жизнь.

Дом, где жила Анна, он нашел быстро и без труда, вероятно потому, что не слишком хотел его видеть. Он подошел к небольшому двухэтажному дому, окруженному не очень высокой оградой, и позвонил. Через минуту ему открыла молодая румяная украинская девушка в униформе, судя по которой она работала в это доме помощницей по хозяйству. Ее звали Олеся. Влад представился, и она с улыбкой пригласила его войти. По ее акценту он понял, что она украинка. Не меняясь в лице, Влад вошел в дом. Он привык к тому, что женщины совершенно разных возрастов реагируют на него улыбкой и даже трепетом, но его это не очень интересовало. Ему давно уже наскучил весь этот интерес противоположного пола, вероятно, потому, что ни одну из женщин, которые окружали его за последнее время и дарили ему улыбки, он не считал достойной. Хотя он и был прохладно вежлив со всеми, но печать высокомерия все же играла на его лице, не давая приближаться к нему ближе, чем на расстояние вытянутой руки, которую он готов был протянуть только для прохладного приятельского рукопожатия.

– Анна сейчас на бассейне, – очень смущаясь, произнесла горничная. – Я сейчас ей скажу, – произнесла девушка и от улыбки на ее молодом и свежем полноватом лице заиграла ямочки.

Влад был впервые в гостях у Анны, и, можно сказать, что дом с первого взгляда ему не понравился. Уж слишком он напоминал наполовину застекленную коробку, какие обычно показывали в бразильских сериалах, в нем не было фундаментальности, и он не слишком подходил для русской жизни. В нем было светло, но неуютно, оттого что непрочно. Он посмотрел в стеклянные раздвижные двери, как обычно смотрят окно, и увидел бассейн с окружавшей его территорией, на которой аллеи пестрели в клумбах цветы. На улице было уже прохладно, кое-где лежали опавшие листья, но Анна упорно не замечала этой погоды. Она лежала возле бассейна на кушетке в купальнике и темных очках на кушетке, делая вид, что загорает, несмотря на то, что солнца не было.

– Она уже несколько раз спрашивала: пришли вы или нет, – весело сказала девушка, обернувшись на Влада, и розовый румянец снова заиграл на ее щеках.

Общаться с Анной Владу не очень хотелось, и работать у нее тоже. Эта работа в журнале, в которой были одни только светские новости, не приносила ему удовольствия и особых денежных средств тоже. Вначале Влад планировал стать писателем, но ничего не вышло, его романы издательства не принимали, потом он стал писать сценарии к игровым фильмам, но и тут он получал одни лишь отказы. Единственное место, куда ему удалось устроиться – это был глянцевый журнал, где критериями отбора ведала сама Анна. Анне молодой человек сразу понравилось, что, впрочем, было естественно, ведь Анна в свои пятьдесят два не была замужем, а постоянного воздыхателя у нее не было, был только дежурный. Очень быстро она сделала Влада своим помощником, так как ей хотелось проводить больше времени с молодым приятным во всех отношениях человеком, чем навлекла на себя гнев своих подчиненных, кто давно претендовал на это место. И вот впервые она пригласила Влада к себе домой, где хотела,

по всей видимости, встретить его в купальнике с бокалом вина в руках и в новой шляпе, но она не учла погоды. Поэтому Влад, смотря на нее сквозь стекло, уже понял, что ее появление будет скорее комичным, нежели эффектным, так как ее тело, наверняка, покрылось мурашками, а отсутствие солнца сделало облачение в купальник и шляпу от модного дизайнера просто нелепым. Это был ее летний выход, но лето, к сожалению, закончилось раньше, чем Анна предполагала.

Влада все ее неоднозначные движения в его сторону не интересовали, даже наоборот – раздражали. Но раздражение он привык так же прятать в себе, как и мимолетную радость, поэтому в его глазах пренебрежения к своей персоне Анна прочитать не могла. Возле бассейна Анна была не одна. Возле нее стоял молодой человек, который гордо нес звание ее молодого любовника, но больше исполнял роль мальчика для битья и словесных острот, которые Анна отрабатывала на нем на потеху прислуго, показывая, что у нее еще есть еще порох в пороховницах. А учитывая тот факт, что молодой человек от нее рано или поздно уйдет, Анна не стеснялась в выражениях, и ее остроты день ото дня становились все более изощренными и нестерпимыми. Должна же она была от его временного пребывания с ней получать хоть какую-то радость.

Наблюдая за тем, как горничная подошла к Анне и, слегка наклонившись к кушетке, что-то сказала ей, Влад попытался сделать лицо попроще. Анна, заметно оживившись, встала с кушетки, сняла темные очки и посмотрела на Влада, который из дома ей приветственно помахал рукой. Она быстро направилась к нему вместе со своим ухажером. Влад изобразил легкую радость, а Анна не могла скрыть своей неподдельной радости, видя его. Она тоже помахала Владу рукой с трясущейся дряблой кожей в районе предплечья, когда шла к дому, чем вызвала настороженную реакцию со стороны своего бойфренда. Ее сопровождающий явно напрягся, видимо, опасаясь, что на его место возле кормушки могут позариться и другие, ничуть не менее молодые и такие же, как и он, красивые.

* * *

– Владик, Владик, – расплылась в улыбке немолодая Анна в слитном черном купальнике, зайдя в дом через раздвижные прозрачные двери, которые открылись сами, почти как в магазине, где все было на продажу.

Она выглядела как обычная среднестатистическая молодящая пятидесятидвухлетняя женщина, которая сделала все, что могла, чтобы выглядеть хотя бы на сорок четыре, но выглядела все равно на свои пятьдесят два. У нее были рыжие короткие до плеч волосы, которые вились у корней, предательски обнаживших ее седину, что не могло укрыться от меткого взгляда Влада. Фигура у Анны была не очень хорошей, но достаточно сносной для ее лет. Фигура была покрыта мощным загаром, полученным от длительного посещения солярия. Ее походка была немного неестественной. Она как будто старалась держать спину ровно, выставляя ноги вперед, где ее педикюр ярко красного цвета сильно контрастировал с ее синими немного вздутыми венками на ногах. Она вальяжно подошла к Владу, театрально прильнув к нему и изобразив некое подобие приветственного чисто символического поцелуя в щеку. Влад еле сдержался, чтобы инстинктивно не оттолкнуть ее. Целоваться при встрече у них было принято. Без приветственного поцелуя было не обойтись, так как он означал, что у нее вообще все- окей, наполняя пространство европейским шиком, где женщина на шестом десятке считалась еще в самом соку.

– Наконец-то ты пришел, как я рада, как я рала! – начала она источать бодрость духа, подчеркнуто небрежно и даже театрально кинув черную шляпу с широкими полями на диван. – Если ты взял плавки, то можешь поплавать, вода восхитительная! – сказала она ему слегка осевшим от курения голосом, и Влад тут же почувствовал на себе острый взгляд ее молодого

бойфренда, который прекрасно понимал, что в случае чего Анна расстанется с ним точно так же, как расстаются с надоевшей игрушкой.

– Нет, – вежливо ей ответил Влад. – Не взял.

– Ну и хорошо, – улыбнулась, засверкав дорогими, отбеленными до предела зубами Анна. – Сейчас я оденусь и выйду к тебе. Толя, – обратилась она к своему молодому любовнику уже с другой интонацией, – предложи гостю выпить. А ты, – снова с подчеркнутой нежностью, чтобы вызвать ревность Анатолия, посмотрела она на Влада, – чувствуй себя, как дома, но не забывай, что ты в гостях, – рассмеялась она своим искусственным смехом своей свеженькой шутке. – Сейчас будем работать. Впереди у нас сенсационный выпуск! – резко и манерно подняла она руку вверх, которая тут же всколыхнулась возле предплечья дряблою кожей. Влад отметил про себя, что если бы Анна так сильно не молодилась, то вряд ли бы кто-то заметил ее старения.

Анна вышла.

– Анатолий, – с напряжением в голосе представился бойфренд Анны Владу. Он всегда представлялся только полным именем, и очень тушевался, если кто-то называл его в обществе Толя. А еще хуже ему было, если его называли по имени в уменьшительно-ласкальной форме. Он дорожил своим полным именем так, как будто ничего, кроме имени, у него не было, и любое пренебрежение к его имени или его усечение вызывало в нем как скрытую, так и явную досаду.

– Очень приятно. Влад, – ответил ему Влад, не особенно глядя в его сторону, чтобы не придавать этому знакомству ненужной важности. И это было понятно: имя нового бойфренда Анны запоминать было не обязательно, ведь уже через месяц или два будет уже другой бойфренд, а у него будет другое имя. Влад даже подумал, что Анне нужно вешать им на грудь не орден, за то, что они с ней, а бейджик, потому что их имена вряд ли кто-то запомнит. А обращаться к человеку без имени считалось не очень приличным в как бы приличном обществе, в котором Анна пребывала ежесекундно.

Любовник Анне был не очень нужен, он вообще был не совсем любовник, а как бы любовник, потому что между ними редко что-то происходило. В общем, это был лжелюбовник, но вся штука была в том, чтобы об это никто не догадался. Можно сказать, что Анатолий работал у нее лжелюбовником за еду. Это устраивало обоих. Он просто ей был положен по статусу, а статус Анна уважала бесперебойно. Анна рассуждала так: если у всех в ее возрасте есть любовники, если любовник – это элемент престижа и статуса, значит и ей надо любовника, чтобы быть в тренде и не выглядеть ушедшей в тираж или сошедшей с дистанции успешных и еще сексуально активных. Но Анатолий – это было совсем не то, что ей приносило удовольствие, даже в постели, потому что самая большая радость Анны заключалась в работе. Вот если удастся найти сенсационный материал, да так, чтобы о нем все заговорили, ссылаясь на ее журнал, вот это и будет ее та самая большая радость. Своя постель ее не очень интересовала, толи дело постели других, в которых обитали для нее самые важные новости. А если получалось такие новости обострить и приукрасить, и правильно подать, то тогда Анну просто распирало от гордости. Любая новость в ее руках могла «заиграть», это и составляло главный интерес ее жизни, а других интересов она не искала, повинувшись инстинкту самосохранения. Мало ли на что можно напороться по незнанию, а вдруг выяснится еще, что она неправильно жила, и что тогда делать, время-то ушло безвозвратно, и ничего не вернуть. Неслучайно любимым выражением Анны был тезис о том, что упущеные возможности не восстанавливаются. Поэтому от лишней информации она себя берегла как могла, сужая весь мир до островка своего журнала, которым она и дышала.

* * *

Анатолий подошел к барной стойке.

— Чай, кофе, виски со льдом, кровь невинных младенцев? — предложил с учтивой улыбкой Анатолий гостю выпить, внимательно следя, какое впечатление произведет на Влада его шутка. Находясь с Анной, он уже привык, что слова значат больше, чем поступки, поэтому тщательно учился ими маневрировать. Но Влад его шутку явно не оценил.

— Нет, — очень сдержанно ответил Влад. — Я не хочу пить. Ничего.

— А выпью, пожалуй, — положил Анатолий в квадратный стакан несколько кусочков льда и налил в них виски. Он изрядно пристрастился к дорогой выпивке, живя у Анны, поэтому не упускал возможности пропустить стаканчик алкоголя из ее дорогой коллекции. — Говорят, вы поедете к Шахматовым.

— Вот как? — удивился Влад, сев в удобное, обтянутое баклажанового цвета кожей кресло. — Впервые об этом слышу, — сказал он явно нехотя, потому что общение с любовником своей начальницы явно не входило в его планы. Общаешься с ним, он как бы делал ему одолжение.

— Разве Анна вам не говорила, что через неделю вы поедете к Шахматовым? — удивился Анатолий, как будто это было сверхважное событие, о котором нельзя было не знать.

— Мне об этом ничего неизвестно, — отрезал Влад, подозревая, что Анна, вероятно, говорила ему об этом, но он часто пропускал мимо ушей, что она ему говорит, так как был занят совершенно другими вещами. Часто он только делал вид, что ее слушает, а сам думал о другом. Вот и сейчас он подумал, что если Анатолий будет досаждать ему разговорами, то его решимости вполне хватит, чтобы поставить точку в этом деле, то есть взять и уволиться. — Мне все равно, — добавил Влад и стал смотреть в окно, чтобы пресечь ненужные разговоры.

— Что ж, напрасно, напрасно, говорят, там неплохо кормят, — аккуратно, чтобы не расплескать виски в стакане, сел на диван Анатолий. Он, когда были гости у Анны, старался держаться высокомерно и говорил словами вовсе ему не свойственными, это было трудно. Поэтому он даже был рад, что Влад не настроен с ним разговаривать.

В тишине Анатолий успел сделать всего несколько глотков, как в дверях появилась Анна. Она была одета в шелковый белый расписной халат в стиле кимано, который сам по себе был неплох, но совершенно не шел ей. Влада всегда удивляло, что Анна покупает себе дорогие вещи, которые совершенно ей не подходят. Вот и сейчас создавалась впечатление, что халат живет своей жизнью, а Анна своей, и их жизни никак не пересекаются. У Анны было довольное лицо, потому что она надеялась, что мужчины оценят ее выход в этом халате, но тут же ее довольное лицо исказила гримаса неподдельного ужаса, молниеносно перешедшего в гнев.

— Ты что сделал?!?! — закричала она, глядя бешеными глазами на своего любовника. — Ты что сделал?!?! — закричала она, ничуть не смущаясь присутствия Влада. — Ты хоть знаешь, сколько она стоит? Она стоит больше, чем вся твоя жизнь! — произнесла в сердцах Анна, имея в виду свою шляпу, возле которой так неловко примостился ее бойфренд.

Анатолий тут же вскочил с дивана, и нота аристократизма, взятая им две минуты назад, тут же пошла под откос. Он был испуган, но держал изо всех сил стакан, чтобы не пролить его на дорогой пол или дорогую мебель, и этим не спровоцировать новый скандал. Анна внимательно пригляделась и поняла, что шляпа не сильно пострадала. Она взяла ее в руки и расправила поля, которые невольно примял ее новый любовник. — Ладно, — уже в совсем другом тоне, сказала Анна, сменив гнев на милость, — унеси это в мою спальню, — отдала она ему шляпу. — И дай нам поболтать наедине с Владом. И ты тоже иди, — сказала она вдруг появившейся на ее крик горничной, которая стояла в растерянности, тревожно смотря то на нее, то на Анатолия, то на Влада, не понимая, что конкретно произошло. — Идите уже отсюда, — по-барски сказала Анна, проронив легкий смешок. — Ну, идите уже, что встали? — направила она свой утомленный взгляд на Анатолия и стоявшую рядом с ним горничную.

* * *

— Они скоро в могилу меня сведут своей нерасторопностью, — поведя глазами, сказала Анна и заулыбалась, проводив взглядом Анатолия и свою помощницу по хозяйству. А потом, вальяжно усевшись на диван рядом с Владом, протянула руку к пачке сигарет и быстро закурила. Создавалось впечатление, что Анне нравится испытывать сразу несколько разношерстных эмоций в короткий промежуток времени, поэтому она не гнушается выискивать проблемы там, где их нет, и откликаться на них по-театральному звонко. — Ты кстати, не заметил, есть между ними что-то или нет? — слегка наклонившись к Владу, как будто по секрету спросила она его, а потом положила ногу на ногу так, что верхняя пола халата как бы случайно слетела, оголив ее загорелую ногу практически до бедра. Но Анна тут же, хитро заулыбавшись, прикрыла снова ее полой.

Влад не понял вопроса и недоуменно посмотрел на нее.

— Ну, между Толей и этой фифой толсторожей хохлятской, — быстро отреагировала на его недоуменный взгляд Анна, которая любила пооткровенничать с избранными о своей личной жизни. Когда она откровенничала о своей личной жизни, то у нее самой создавалась иллюзия, что это личная жизнь мало того, что имеет место быть, так еще и была полна красивых кипящих страстей. Кроме того, общаясь на личные темы, Анна еще и подспудно вызывала на откровенность и тех, с кем она откровенничала, как будто принуждая их к личной привязанности. А Влад быть избранным не хотел и уж точно откровенничать с нею не собирался.

— Я не заметил, не знаю, — прохладно ответил Влад.

— Ну да ладно, — с улыбкой махнула рукой она. — У нас есть более важные дела, правда? Ты, наверное, понимаешь, зачем я тебя сюда позвала?

— Речь, наверное, пойдет о званом обеде или ужине у каких-то там Шахматовых, — сказал он уныло, и у него в голове мелькнула мысль, что Анна могла бы и не звать его к себе в выходной день, а поговорить об этом в редакции. Но Анна любила придавать секретность делам и вещам, чтобы у нее была возможность их рассекретить и этому от чистого сердца порадоваться. Ей нравилось получать такие эмоции.

— Каких-то там Шахматовых?! — чуть от удивления не спрыгнула она с дивана. — Каких-то там Шахматовых?! — повторила она с негодованием. — Ты что не знаешь, кто такой Шахматов?! — округлила она глаза, как будто это был президент Земного шара, которого невозможно не знать. — А кто тебе рассказал об этом? — прищурила она накрашенные глаза так, что кожа вокруг глаз густо покрылась морщинами? — Толик? Да? Толик?

— Да, — кивнул Влад. — Он.

— Вот вечно он сует свой язык не туда куда надо. А куда надо не сует! — сказала она уже с совершенно другой интонацией, а потом расхохоталась своей пошлой шутке. — Короче, происходит нахальное разбазаривание усилий его языка, созданных совсем для других задач, — продолжила Анна шутку, надеясь, что хоть так Влад ее оценит. Влад сдержанно улыбнулся, понимая, что Анна не успокоится, пока не увидит, что он оценил ее остроумие. — Ну ладно, ты все правильно понял, — продолжила Анна, успокоившись. — Тебе выпала честь сопровождать меня на торжественный обед в честь прибытия из экспедиции Валерия Шахматова! Не знаю, где его черти носили, но он возвращается, — снова расхохоталась она, как будто долго искала повод посмеяться и, наконец, нашла.

Влад тут же вспомнил, что в редакции одна из сотрудниц говорила ему о том, что октябрьский номер почти наполовину будет отдан семейству Шахматовых вместе с обложкой, но тогда Влад на это просто не обратил внимания. Поехать к Шахматовым хотели многие, но Анна выбрала Влада, хоть он никогда не изъявлял желания ехать с ней куда бы то ни было, но даже отказывался, когда она предлагала. И это несмотря на то, что такие выходы в свет

считались большой привилегией. Она и теперь боялась его отказа, поэтому говорила о том, как прекрасен и велик Шахматов не переставая. Ей нужен был не просто эффектный сопровождающий вроде Анатолия, который выглядел умным только тогда, когда молчал. На этот раз ей нужно было гораздо больше, ей нужна была темная лошадка вроде Влада, таинственный незнакомец, загадочный принц. Глядя на него, почти сразу возникало ощущение, что он носит в себе какую-то даже не понятую им самим тайну. И ей все время хотелось его разговорить, чтобы проверить, не ошибается ли она в нем, как ошибалась с остальными, кем очаровывалась. Казалось, вот еще чуть-чуть, еще немного и он проговорится, и эта его загадка растает, как в воздухе дым, а она все не таяла и не таяла, несмотря на то, что Анна очень старалась.

Влад слушал ее, молча и сдержанно, периодически смотря на нее. Он старался изобразить хотя бы минимальную заинтересованность, чтобы Анна быстро все ему рассказала, и он смог поехать домой. В голове его еще сидела мысль о том, что зря он сюда сегодня приехал. Он думал, что, вероятно, оставшись дома, мог попробовать написать страницы от силы три, а из них, глядишь, и нашлось бы что-нибудь сносное для его книги. Он снова почти не слушал ее, хотя выяснял для себя, что Валерий Шахматов – это известный путешественник, который еще знаменит и тем, что является одним из самых преуспевающих бизнесменов в России. Ему принадлежало несколько фабрик по переработке утиного мяса, за что он был и прозван «утиный король». Вряд ли бы простой путешественник вызвал у Анны такой неподдельный интерес, если бы он не был богат. Поэтому, даже если бы Анна не упомянула о его богатствах, об этом легко можно было и так догадаться. Бедные ее интересы не возбуждали. Анне, наверное, очень нравилось его прозвище «утиный король», потому что она с высочайшим питетом повторила три раза. Экзальтация ей была свойственна, она часто пребывала в ней, иногда имитируя ее. Но сейчас она была правдива как никогда. Анна, рассказывая о Шахматове, забылась, и сигарета, которую она держала в руке, коротким столбиком пепла упала ее на шелковый расписной халат и прожгла его. Но поняла это не сразу. Влад внимательно следил за ее реакцией, потому что это было гораздо интереснее, чем слушать о Шахматове.

Анна рассказывала, рассказывала, беспрестанно улыбаясь, а потом внезапно затихла и посмотрела на свой прожженный халат, на котором коротким столбиком лежал тлеющий пепел. «Ой! – вскрикнула она, а потом быстро смахнула его рукой, затушила окурок в пепельнице и тут же продолжила свой упоительный рассказ как ни в чем не бывало». Влад очень удивился, потому что еще двадцать минут назад она была готова убить Анатолия за случайно примятую шляпу, а сейчас спустила на тормозах дело о прожженном ею халате. Это лишь укрепило Влада в предположении, что эта женщина не так проста, как может показаться с первого взгляда.

* * *

– Сейчас я покажу тебе эту семейку, у меня целая стопка журналов на кухне. Сейчас принесу, – быстро произнесла Анна. – Врага надо знать в лицо! – засмеялась она. – И мои как-то подозрительно притихли, чем они там занимаются? – прищурилась Анна. – Пойду посмотрю, а то, может, он ее там уже наяривает на кухне, прямо на столе, а я и не знаю, – улыбнулась Анна, как бы прислушиваясь. – Что-то подозрительно притихли, – покачала головой Анна, имея в виду Анатолия и свою помощницу по хозяйству. Это было сказано ради шутки, но шутки не получилось, потому что Анна об этом и вправду переживала, хоть и старалась это скрыть от себя самой.

Анна вышла, Влад остался один, понимая, что день окончательно загублен, его бессмыслицкий взгляд скользил по предметам, не выходя за пределы комнаты. За окном уже сильно смеркалось, и он действительно не понимал, почему из-за прихода Анны, которая обязательно захотела ему сообщить эту новость лично у себя дома, он притащился сюда. Он надеялся, что сейчас она скажет свое заключительное слово, покажет ему журналы, и он уйдет, прощаясь еще

с одним потерянным днем своей жизни, который не принес ему ничего, кроме разочарования и в себе, и в людях.

— Короче, вот, вот, — уже со стопкой журналов пришла Анна. — Вот они, красавцы, — вывалаила Анна на журнальный столик конкурирующие издания разных лет, которые она собирала, чтобы ее журнал был не хуже. — Вот здесь они все, кроме самого Шахматова, он не любит фотографироваться и не дает интервью, я вообще думаю, а существует ли он? — заулыбалась она, и Влад насторожился. — А, может, его вообще не существует и своем вечере он не появится. Вот это будет бомба, вот это я понимаю сенсация! Я, честно говоря, его видела только на старых еще черно-белых фотографиях из экспедиций его, но там и лицо его невозможно разобрать.

Влад задумался, какое-то странное предчувствие подошло почти как ком к горлу. Анна села на колени возле журнального столика, чтобы было удобней рассматривать, и напомнила Владу молящуюся, только молилась она не Богу, а миру иллюзий, которые создавали эти журналы.

— У него, значит, одна жена была за все время — Наталья, и она еще функционирует на этом посту, хотя все это фикция. Просто продолжают жить друг с другом, чтобы состояние не делить при разводе. Уверенна, у нихекса нет. А у него уж точно есть молодая любовница, и не одна, — продолжила Анна, выискивая в журналах разных их фотографии. — Смотри, — перестала она листать и тыкнула пальцем в фотографию Натальи. — Смотри, по-моему, у нее была неудачная пластика. Не то чтобы совсем неудачная, но мне кажется перебор. Или вообще это не пластика, а ее просто перекосило оттого, что муж бывает дома по полчаса в год. А дом красивый, роскошный, роскошный дом, — мечтательно посмотрела она на их родовое имение. У них пятеро детей, три девочки и два мальчика, видимо полчаса в год хватило, — засмеялась она. — Вот старшие: Степан и Наталья, дочку тоже зовут Наталья, как мать. У Степана большая семья, он занимается делами семьи, когда Валерий в отъезде. А вот Надя, о! — воскликнула Анна. — Всех женщин семьи зовут на «Эн». Две Натальи, Надя и Ника, — выдала головокружительное заключение Анна, как будто нашла ключ к пониманию мира. — Надя не замужем, ей лет двадцать восемь, я тебе ее сейчас здесь найду, а Ника вообще еще по-моему институт не закончила, и есть еще один псих, которого зовут Илья. Он то ли наркоман, то ли шизофреник, толи инвалид по зрению. Они говорят, что он живет за границей. Но по факту, из достоверных источников! — подняла Анну вверх указательный палец, как будто пыталась сообщить что-то важное, — он живет вместе с ними, и если повезет, мы его там найдем, и обесчестим эту семейку его фотографией, — снова хихикнула Анна, продолжая листать журнал. — Старшая Наталья, ну ей за тридцать уже, про нее мало известно, живет за границей. Скучная она, но она тоже там будет. Мне один приятель уже прислал ее фото из аэропорта. Уже приехала, значит, папку повидать. А то, видать, уже забыла, как выглядит. Едет освежать впечатления от предка.

— А вот Надя! Средняя дочь, ее зовут как-то по-другому очень длинно, но все ее зовут Надя. Говорят, — подняла восторженные глаза Анна, — что она вообще не является дочерью Натальи. Там такая история! Одно время ходили слухи, что Шахматов по молодости, когда был в экспедиции в каком индийском племени, выполнял там обязанности одного из вождей и.... ну ты понимаешь, обрюхатил не того, кого следует, а потом забрал новорожденную девочку. Это и была Надя. Насколько я знаю, с матерью, то есть с Натальей, у нее совсем отношения не ладятся. Смотри, какая получилась девочка, — показала Анна на фотографию Нади.

Влад посмотрел. Надя на фотографии стояла возле лошеного черного жеребца, обхватив его за морду руками, и ее черные длинные кудрявые волосы, как и роскошная грива коня, блестели на солнце.

— Скажи ж, она совсем не похожа на наше русое племя, да? Ух, волосы, как цвет воронова крыла, и смуглая, как креолка. Она вообще занимается лошадьми, отец ей подарил целую конюшню, она еще постоянно участвует в скачках, имеет несколько каких-то наград, — с вос-

хищением произнесла Анна. – Она любимая дочь отца, – посмотрела Анна на Влада, желая увидеть и в его глазах восхищение.

Восхищения в его глазах она не увидела, но он все же изменился в лице, и его бледное вытянутое худое лицо приняло еще более задумчивый вид, а внутри у него что-то кольнуло. Он понял, что уже видел эту молодую женщину по имени Надя раньше, но только он не помнил где именно. То ли на страницах одного из глянцевых изданий, то ли… в своем воображении, потому что именно такие огненные жгучие женщины манили его к себе. Эта темноглазая яркая женщина была, как раскаленная лава, бьющая из-под земли, она была не похожа на других членов семьи ни внешне, ни, судя по всему внутренне. Она смотрела с фотографии на него так, как будто прожигала его своим взглядом насеквоздь. Она смотрела на него так со страницы журнала. Она выглядела как физическое воплощение страсти, и у нее была странная улыбка,зывающая к инстинктам. Она это чувствовала и, маня к себе, улыбалась своей скрытой власти.

Все, что было потом, после взгляда на ее фотографию, для Влада было туманом. Он не помнил, как ушел от Анны и как добрался до дома, потому что в его голове была только эта женщина, которую Анна показала ему на фотографии – Надя. В ее облике было что-то подземное и первобытное, сильное и клоочущее. Не помня, как добрался до дома, Влад упал лицом в подушку и так долго лежал, пытаясь заснуть, а образ этой молодой знойной женщины все еще стоял перед его внутренним взором, не покидая его ни на минуту.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Торжество по случаю возвращения Шахматова из научной экспедиции, где он изучал жизнь народов севера, было назначено на вечер пятницы. На праздник его супруга Наталья, которую Шахматов не видел почти год, пригласила журналистов. Это должен был быть праздник с дорогими гостями, пышным застольем, салютом, а также другими атрибутами, подчеркивающими его величие. Валерий Шахматов вернулся несколько дней назад, но дома его не было, он был занят делами своей компании. Наталья, несмотря на многих помощников по проведению праздника, все контролировала сама. Ей было важно, чтобы прием по случаю возвращения Шахматова был идеальным, а особенно важно для нее было то, чтобы все члены семьи выглядели соответствующее и вели себя так, как надо. Поэтому сделав несколько звонков и дав необходимые поручения по организации праздника, Наталья поднялась по укрытой красным дорогим египетским ковром лестнице своего огромного дома и постучалась в третью комнату слева. В комнате сильно играла музыка, поэтому она, не дождавшись ответа, вначале только приоткрыла дверь, а потом вошла. Это была комната Ники. Ника стояла возле зеркала и сушила свои короткие темные до плеч волосы, подергиваясь в такт музыки. Она обернулась и, увидев мать, выключила дребезжащий в ее руке фен, видимо, давая матери право быть услышанной. Но этого Наталье показалось мало.

— Выключи, пожалуйста, музыку, — строго сказала Наталья, не сильно поменявшись в лице.

— Ну мам, что? — недовольно промычала Ника, которой явно не понравилось, что в ее атмосферу не только вторгаются, так еще и указывают что ей делать.

— Выключи, я сказала, — повторила Наталья.

Ника быстро подошла к компьютеру, который стоял на столе, и выключила музыку. Ника выглядела молодой стройной и свежей, она была чем-то похожа на Наталью, несмотря на то, что Ника была темно-русой, а Наталья блондинкой со своими закрученными в спиралевидные локоны волосами. Для своих пятидесяти с хвостиком лет Наталья выглядела очень хорошо, что вовсе не было заслугой пластических хирургов, а было исключительно заслугой ее характера, не позволяющего ей распускаться. Так, например, уже почти двадцать лет она никогда не ела после семи вечера и не ничего не пила.

— Ну что? — почти с вызовом произнесла Ника.

— Ты знаешь, что завтра у нас будет пышное торжество, и я надеюсь, что ты наденешь нормальное платье, а не так, как обычно — джинсы кеды и не пойми что, — с пренебрежением высказала Наталья свое недовольство стилем дочери, точнее, его отсутствием. И она действительно была права, так как Ника еще не подумала, в чем она будет одета, она не хотела в это вникать. Это ей казалось бессмысленным пафосом и ненужной рутиной, от которой все равно ничего не изменится.

— На меня там смотреть все равно никто не будет, — резко ответила Ника. — И вообще сейчас не то время, что наряжаться по любому поводу и без.

Этот аргумент, как и все аргументы своей дочери, Наталья явно не восприняла всерьез. Поэтому Наталья, не сказав не единого слова, молча подошла к большому платальному шкафу, наполненному вещами, открыла его и окунулась взглядом его содержимое, пытаясь подобрать платье дочери для выхода в свет. Ника недовольно скрестила руки на груди, так как происходящее ей крайне не нравилось.

— Вот это наденешь, — вытащила Наталья из шкафа совсем новое платье синего цвета, на котором еще болталась этикетка.

В шкафу у Ники было много платьев, которые она ни разу не надевала. Эти платья Нике дарила сама Наталья, потому что Ника не любила наряжаться, она не была увлечена светскими мероприятиями и ходила на них с трудом, можно даже сказать – из-под палки.

– Посмотрим, – ответила Ника скептически, взяв из рук матери платье на вешалке и небрежно кинув его на диван.

– И почему ты еще не в институте? – удивилась Наталья, понимая, что Ника уже опаздывает на лекции.

Ника застыла, пытаясь оценить момент: стоит или не стоит сейчас говорить матери, что ее еще в прошлом семестре отчислили из института за не посещаемость. К слову сказать, учеба на юридическом факультете всегда наводила на Нику тоску, поэтому она даже была рада, что так получилось.

– Уже иду, – быстро ответила Ника, решив, что момент не подходящий, а потом включила фен и направила его на полупустую чашку чая, которая стояла у нее на столе.

– Что ты делаешь?! – воскликнула Наталья.

– Пытаюсь подогреть его, – улыбнулась Ника, – потому что он со вчерашнего дня остыл, – пожала она плечами.

Наталья махнула рукой, понимая, что ее дочь неисправима, и вышла из комнаты. Ника испытала облегчение. Можно было подумать, что Ника решила разогреть чай при помощи фена специально, дыбы сменить тему и избавиться от разговоров об учебе, но Ника так и раньше делала. Чаще всего подобные действия с ее стороны можно было трактовать как вызов, а иногда как крик о помощи. Она сама в этом плохо разбиралась, просто если ей хотелось подогреть феном еду, искупаться голой в бассейне, прити в кедах и джинсах туда, где все будут в вечерних платьях и смокингах, то она это просто делала. Чаще всего подобные действия со своей стороны Ника объясняла одной только фразой: «мелочь, а приятно», а еще чаще – «почему бы и нет», и чисто внешне ее поступки выглядели гораздо безобиднее, чем они были внутри.

Ника никогда не была близка с матерью, а с отцом тем более. Она видела его так редко, что пообщаться им не удавалась. Чаще всего Ника общалась с прислугой, она с ними шутила и рассказывала им разные истории из своей жизни. Они ее тоже любили, потому что она была простой, а не напыщенной и не высокомерной, как другие члены семьи. Поэтому кухарки и горничные были в курсе того, что Ника уже как несколько месяцев не является студенткой престижного вуза, а ее собственная мать об этом и не догадывалась. Юридическое образование Нике было слишком скучно, она не собиралась становиться одной из управляющих в компании отца, ей это было не интересно. Как и почти все девочки, она хотела стать вначале актрисой, потом певицей, а сейчас, почти вплотную подойдя к двадцатидвухлетнему рубежу своей жизни, она застряла на перепутье, не понимая, что ей делать дальше. Скоро ей должно было исполниться двадцать два года. Про себя она решила, что обязательно примет какое-то решение сама, может быть, даже покинет родительский дом, чтобы они не пытались решить ее судьбу на свой лад. Причем главной в решении вопроса ее судьбы считалась мать, потому что отец в ее воспитании участия не принимал, если не считать того, что все покупалось на его деньги. Одно время Ника думала, что переедет к своему парню, который был студентом того же вуза, что и она, и часто бывал в их доме вместе с родителями. Но недавно Ника с Артемом рассталась. Причину их расставания Ника точно называть не могла, но проблема, скорее всего, была в том, что он слишком нравился ее матери, и у Ники от этого появлялось такое гнетущее ее ощущение, что ее участь уже как будто бы была решена. С этим Ника смириться никак не могла. Ведь ее жизнь только началось, а было такое ощущение, что она уже закончилась, если все известно наперед. Тихая гавань в виде замужества ее не очень устраивала. Расстались они с Артемом нормально, и Артем вместе с родителями, с которыми хорошо общалась Наталья, был приглашен на завтрашнее торжество в их дом. Испытывала ли вообще она какие-то чув-

ства к Артему, Ника не знала, но одно она знала наверняка: ее жизнь зависла на перепутье, и жить так, как диктуют родители, она не желает.

Ника спустилась в машине, где ее уже ждал водитель матери. Это был среднего возраста мужчина, очень молчаливый и скромный. Наталья не любила, когда с ней разговаривает прислуга, поэтому взяла на работу именного такого водителя. Он часто возил Нику в институт, а потом приезжал за ней обратно. Ника попросила отвезти ее к институту, чтобы мать ничего не заподозрила, а когда они добрались до места, она отпустила водителя, а потом пошла гулять. Вначале она заглянула в кафе, в котором иногда любила посидеть, и заказала себе черный кофе и маленькое шоколадное пирожное. Она любила место возле окна, и в этот раз это место оказалось незанятым, потому что подавляющее большинство людей имели свои дела в это время суток, занимались работой или учебой, а Ника их не имела. В этот час в кафе было очень немноголюдно. У окна она любила смотреть на прохожих. Наблюдала за ними она и в этот раз, понимая, что жизнь каким-то удивительным образом проходит мимо, как и эти прохожие. И она ничего не сможет с этим сделать. Ее жизнь ощущалось ею слишком пустой, даже пустынной, настолько, что даже хотелось плакать. И Ника непременно бы сделала это, если бы еще в детстве не отучила себя от слез, так как толку в них никакого. Вместо этого Ника быстро вытащила из куртки пачку сигарет и закурила. Ника выглядела очень незатейливо: потертые джинсы, серая футболка с орнаментом, черная короткая куртка. В ней вряд ли было можно узнать девушку из очень обеспеченной семьи, но это ее скорее радовало, чем огорчало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.